

РИЧАРД СМИТТЕН

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

ВЕЛИЧАЙШЕГО
БИРЖЕВОГО
СПЕКУЛЯНТА

ittrade
на шаг впереди рынка

Ричард Смиттен

**Жизнь и смерть величайшего
биржевого спекулянта**

«И-трейд»

Смиттен Р.

Жизнь и смерть величайшего биржевого спекулянта /
Р. Смиттен — «И-трейд»,

В этой книге автор рассказал правдивую историю жизни человека-легенды Уолл-стрит, героя известного бестселлера «Воспоминания биржевого спекулянта» – Джесси Ливермора. Взгляните с близкого расстояния на жизнь, рассуждения и финансовые подвиги этого легендарного трейдера сквозь призму разговоров с семьей, профессиональных успехов и разработанных им революционных методов заключения сделок. Подробно описывая историю личной жизни Ливермора, автор изображает нигде ранее не раскрывавшуюся частную сторону этого человека-загадки. Одновременно автор обучает вас принципам заключения сделок, методам выбора времени и стратегиям управления денежными средствами, которые, если Ливермор оставался им верен, помогли ему в течение жизни заработать несколько мультимиллионных состояний. Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся вопросами инвестиций и функционированием финансовых рынков, а также жизнеописаниями великих профессионалов. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

© Смиттен Р.

© И-трейд

Содержание

Предисловие	8
Благодарности	10
Глава 1	11
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ричард Смиттен

Жизнь и смерть величайшего биржевого спекулянта

«Уолл-Стрит никогда не меняется, меняются деньги, меняются участники, меняются акции, но Уолл-Стрит никогда не меняется, потому что не меняется природа человека».

Джесси Ливермор

Навсегда вошедший в историю художественной инвестиционной классики как главный герой бестселлера *«Воспоминания биржевого спекулянта»*, Джесси Ливермор многими считается лучшим трейдером в истории. Теперь впервые реальная история жизни одного из наиболее занимательных и успешных фигур Уолл-Стрита возрождается в образе *Джесси Ливермора* в книге *«Жизнь и смерть величайшего биржевого спекулянта»*. Взгляните с близкого расстояния на жизнь, рассуждения и финансовые подвиги этого легендарного трейдера сквозь призму разговоров с семьей, профессиональных успехов и разработанных им революционных методов заключения сделок. Подробно описывая историю личной жизни Ливермора, автор данной книги, Ричард Смиттен живо изображает нигде ранее не раскрывавшуюся частную сторону этого человека-загадки. Одновременно автор обучает вас принципам заключения сделок, методам выбора времени и стратегиям управления денежными средствами, которые, если Ливермор оставался им верен, помогли ему в течение жизни заработать несколько состояний.

Ливермор сбежал из дома в 1891 году, в возрасте четырнадцати лет, с пятью долларами в кармане. Он начал карьеру на фондовом рынке в качестве мальчика-ассистента, пишущего значения на доске, в Бостонском офисе Пейна Веббера. Год спустя он был уже полноправным трейдером. К двадцати годам он накопил столько денег, что был изгнан из всех брокерских контор Нью-Йорка и Бостона. Со своими радикальными методами заключения сделок и безграничным терпением, Ливермор загнал рынок хлопка в угол и нанес решающий удар во время краха фондового рынка в 1907 году, получив более 3 миллионов долларов за день. Дж. П. Морган лично просил его прекратить играть на понижение рынка. С такими друзьями, как финансист Бернارد Барух, Уолтер Крайслер, Чарли Чаплин и Альфред Слоан из «Дженерал Моторс», Ливермор общался с гигантами и многому у них научился. Он сыграл на понижение в 1929 году, и депрессия настигла его со 100 миллионами долларов наличными. Ливермор в конце концов обнаружил, что социальный статус и деньги не могут помочь в борьбе с депрессией, не могут восстановить распадающийся брак, сделать прохладные отношения с сыновьями более теплыми.

Единственная подробная биография Джесси Ливермора поможет вам очутиться в центре его удивительного мира и наблюдать за его развитием. Узнайте человека, миф, легенду, проследив за развитием его отношений с разными женами и историей построения различных стратегий заключения сделок, его прогрессом от поместий на Лонг-Айленде до курортов Палм-Бич,

яхт и личных железнодорожных вагонов. Первыми узнайте полную историю как личной, так и профессиональной жизни наиболее успешного трейдера всех времен в рассказе о заключении сделок, триумфе и трагедии.

РИЧАРД СМИТТЕН,

автор и трейдер, живущий в Сан-Лаудердейле, Флорида. Он имеет степень бакалавра гуманитарных наук по английскому языку Университета Западного Онтарио. Как исполняющий обязанности вице-президента «Эм Ти Эс Интернэшнл» он следил за кадровым составом на нефтяных вышках в Северном море, конструированием реактивного истребителя «Дассо Мираж» и безопасностью, на тот момент только что открытых, нефтяных месторождений в Нигерии. Он также работал на «Вик Кемикал», где стал директором по маркетингу Канадского подразделения. Смиттен является автором нескольких книг, включая такие как «Крестная мать», «Преступление, караемое смертной казнью» и «Законное платежное средство», и соавтором Робина Моора по книге «Внутри кокаинового картеля».

Эта книга посвящается моему отцу, Луи Смиттену. Без него этой книги не было бы. Он именно тот человек, которому удалось совершить невозможное: он успешно сочетал светский успех с успехом духовного развития.

*** * ***

В 1923 году семь человек, стоящих на вершине пирамиды финансового успеха, собрались в гостинице «Эджвотер» в Чикаго. Вместе они контролировали больше денег, чем Казначейство Соединенных Штатов и в течение долгих лет средства массовой информации приводили их в качестве примеров успеха.

Кто были эти люди? Чарльз Шваб, президент самой большой в мире компании-производителя стали, Артур Каттен, самый большой спекулянт на рынке пшеницы того времени, Ричард Уитни, президент Нью-йоркской фондовой биржи, Альберт Фолл, член Кабинета министров, Джесси Ливермор, величайший спекулянт на Уолл-Стрит, Леон Фразер, президент Международного Расчетного Банка и Айвэн Крюггер, глава самой большой монополии в мире.

Что с ними произошло? Шваб и Каттен умерли, разорившись, Уитни провел долгие годы в тюрьме Синг-Синг; Фолл также провел много лет в тюрьме, но был освобожден и умер дома; а остальные: Ливермор, Фразер и Крюггер совершили самоубийство.

Дональд МакКаллоу «Пробуждение от американской мечты»

Этапы продажи без покрытия определяются как продажа актива, который вам не принадлежит, в предчувствии падения цены. Актив одалживается у вашего брокера для поставки клиенту. Затем актив приобретается на вольном рынке и возвращается брокеру, завершая операцию. Другими словами, актив сначала продается, а затем покупается, по возможности, по более низкой цене. Эта обратная форма операции «купи – продай».

Луи Смиттен, спекулянт

Предисловие

Нет ничего более сложного в получении, опасного в управлении и неопределенного в успехе, чем инициатива в представлении нового порядка вещей.

Николо Макиавелли

Когда мне было 13, мой отец рассказал мне о величайшем биржевом трейдере, Джесси Ливерморе. Я сидел и слушал, а отец рассказывал мне о том, как Ливермор установил новые стандарты для заключения сделок с акциями. Зачарованный этим рассказом, я начал читать о Ливерморе, когда мне исполнилось 14.

Я не знал, что 40 лет спустя мы с Ливермором волей судеб встретимся – или о том, что я посвящу больше года своей жизни исследованию его жизни. Я не знал, что в конце концов я узнаю его так хорошо, как вряд ли кто-либо его знал.

Ливермор был человеком крайне скрытным, загадочным и молчаливым. Он старался контролировать свои эмоции и таким образом превозмог непрочность человеческих страстей, от которой страдаем мы все. Кроме того, он хотел выиграть игру, решить задачу, улучшить фондовый рынок.

Многие читатели знакомы с Джесси Ливермором под именем Лэрри Ливингстона, персонажа книги-бестселлера «Воспоминания биржевого спекулянта» финансового журналиста Эдвина Ле Февра. Впервые опубликованная в 1923 году, эта книга является художественной биографией Ливермора. Несомненно, «Воспоминания» являются одной из лучших, когда-либо написанных, о мире финансов книг. Поколения трейдеров, инвесторов и исследователей рынка обращались к ней для того, чтобы получить понимание стратегий великого трейдера, психологии толпы и выбора времени на рынке.

После прочтения «Воспоминаний» и собственной книги Ливермора «Как заключать сделки с акциями», я понял, что история Ливермора этим не ограничивается. Опубликованное почти ничего не говорило о настоящем Джесси Ливерморе. И я отправился в двухгодичное путешествие, перенесшее меня в мир Ливермора – как профессиональный, так и личный. Я смог получить интервью у Пола Ливермора, сына Джесси, который первый раз давал официальное интервью о своем отце. Я также говорил с Патрицией Ливермор, женой Джесси Ливермора-младшего и близкой подругой Дороти Ливермор, второй жены Ливермора и матери его двоих детей.

Подобно знаменитому финансисту Дж. П. Моргану, Ливермор на протяжении всей своей жизни страдал от сильных приступов депрессии. В то время, когда он жил, от этого состояния не было средств и, в конце концов, в 1940 году, он покончил жизнь самоубийством.

Ливермор был тихим и скрытным человеком, но, тем не менее, прожил очень богатую и захватывающую жизнь, вращаясь в высших кругах общества. Его лично обвиняли в великом крахе 1929 года, он получал многочисленные угрозы жизни и его постоянно пытались похитить. Он женился на красавице-статистке и стал отцом двух детей, в одного из которых будет в конце концов стрелять его собственная мать.

Эта книга представляет собой полную биографию Джесси Ливермора, человека и трейдера. Она фиксирует его жизнь в мелких подробностях, а также приоткрывает много новых аспектов его выдающихся методов заключения сделок, которые были революционными в то время и остаются революционными и по сей день.

В этой книге заключены четыре простых идеи.

Во-первых, человеческая природа никогда не меняется. Следовательно, никогда не меняется и фондовый рынок. Только лица, деньги, участники, войны, бедствия и технологии сме-

няют друг друга. Рынок сам по себе никогда не меняется. Да и как он может меняться? Ведь человеческая природа никогда не меняется, а именно она управляет рынком – не разум, не экономика и, безусловно, не логика. Именно наши человеческие эмоции управляют рынком, а также большинством других вещей на этой планете.

Во-вторых, достижение материальных целей, карьерные амбиции и счастье в жизни – это не одно и то же. Между успехом и счастьем нет однозначной прямой зависимости. Между богатствами мира и эмоциональной полноценностью не существует автоматического равновесия.

В-третьих, именно *воля*, а не интеллект позволяет каждому из нас достигать своих целей. Одного таланта недостаточно. Везения недостаточно. Только воля к выполнению тяжелой работы и невероятная настойчивость ведут к обретению невозможного. Не существует коротких и легких путей. Особенно, как вы поймете, на фондовом рынке.

И, наконец, великие открытия человечества совершались конкретными людьми, а не группами. Все великие идеи, огромные состояния, гигантские шаги вперед в технологии, политике и медицине шли от индивидов, а не от групп.

Есть много способов играть на рынке, сотни теорий, техник, систем и стратегий. Эта книга раскрывает подход Ливермора. Впервые в истории в одном томе раскрываются его секреты по поводу того, как успешно спекулировать и зарабатывать деньги. Большая часть проведенных исследований жизни Ливермора были основаны на интервью, данных его семьей, личных бумагах, газетных заметках и собственных работах Ливермора. Немного поэтики было привнесено при воссоздании диалогов, чтобы нарисовать более живой портрет Джесси Ливермора, человека его времени. В определенных частях книги я воспроизвел разговоры так, как они были переданы мне членами семьи.

И я думаю, вы согласитесь, после прочтения этой книги, что история не знала другого биржевого спекулянта, подобного Джесси Ливермору.

Благодарности

Особая благодарность Полу Ливермору за его любезное согласие вернуться назад во времени, вспомнить мельчайшие подробности прошлого, иногда неприятно болезненные, а также красавице-жене Пола, Энн, которая любезно уделила нам свое время.

Спасибо Патриции Ливермор, которой тоже пришлось заново прожить годы, когда она была замужем за Джесси Ливермором-младшим и вновь пережить большое горе, трагедию и печаль.

Особое спасибо моему отцу за то, что он рассказал мне о Ливерморе, когда я был молодым человеком, и за его блестящую техническую поддержку и редактирование этой книги. Также я должен поблагодарить мою необыкновенную дочь, Келли Смиттен, за ее постоянную поддержку и помощь в редактировании этой книги.

Я также должен поблагодарить Эда Добсона из издательства «Трейдерз Пресс» за огромную поддержку во время первого издания этой книги. Эд и многие другие люди разделяют со мной бесконечное восхищение жизнью и временами Ливермора.

Спасибо Дэби Мюррэй из Исторического общества графства Палм-Бич за то, что она провела меня в драгоценные архивы общества и позволила мне взглянуть на жизнь в Палм-Бич в конце прошлого века.

И, наконец, спасибо Джесси Ливермору за попытку сделать невозможное – укротить фондовый рынок и выиграть у него.

Глава 1

Великий спекулянт Уолл-Стрит

Наступит хаос.
Шекспир, «Отелло»

Рано утром 29 октября лабиринты Уолл-Стрит заполнили тысячи возбужденных зевак, пришедших для того, чтобы лично присутствовать при ожидаемой бойне. Конные полицейские и сыщики в форме пытались отогнать толпу от входа в Нью-йоркскую фондовую биржу, но все попытки оставались тщетными, каждый раз, когда им удавалось расчистить проход, толпа немедленно смыкала ряды снова.

Внутри, в операционном зале, по мере того как стрелки часов приближались к 10.00 и открытию торгов, в воздухе нарастали напряжение и страх. Менее недели назад, в Черный Четверг, фондовый рынок пережил самое разрушительное снижение в своей истории, и стремительное снижение котировок в следующий понедельник только способствовало росту паники.

В офисах брокеров по всей стране толпились нервничающие инвесторы, покашливая и переминаясь с ноги на ногу, они стояли, уставившись в гипнотическом оцепенении на молчащий биржевой телеграфный аппарат – механического гонца, который вскоре с холодным безразличием вынесет вердикт о том, что экономика выживет, или, что более вероятно, о полной ее катастрофе.

Уильям Клингэмэн, «1929 год: Год Великого Краха».

В то самое утро, ровно в 7.20, а не в 7.19 или в 7.21, Джесси Ливермор стоял у массивного входа в свой особняк из 29 комнат в Кингз Пойнт, Лонг-Айленд, ожидая увидеть орнамент в виде летящего женского шарфа на своем черном роллс-ройсе. Шофер хорошо знал урок, он должен въехать на дорожку в семь-двадцать. Джесси Ливермор был пунктуальным человеком.

Легкий серый туман прилетел с пролива Зунд. Он подчеркнул прохладу воздуха, смену времен года и привнес в атмосферу зловещее предчувствие. Как обычно, машина въехала на длинную закругленную дорожку возле дома точно в 7.20 и остановилась возле Ливермора. Он молча кивнул водителю, сам открыл дверь и проскользнул на заднее сидение со сложенными подмышкой газетами. Он положил их на кожаные сидения, как он это делал каждое утро: «Нью-Йорк Таймс», «Лондон Таймс», «Уолл-Стрит Джорнал». Он снова просмотрел заголовки: практически все они были одинаковы – «Фондовые рынки по всему миру падают».

По мере того, как машина ехала по дороге, Ливермор включил лампу для чтения и задвинул занавески на боковых стеклах. Он хотел изучить газеты в темноте и в тишине. Для него в газетах не было сюрпризов. На самом деле он ждал подобных заголовков почти год. Он тщательно спланировал этот день и был спокоен.

Когда машина въехала на Манхэттен, водитель не опустил стекло, разделяющее кабину водителя и салон. Вместо этого он воспользовался микрофоном: «Господин Ливермор, мы въехали на Манхэттен, вы просили вам сказать».

Ливермор открыл плотные черные занавески и позволил солнечному свету вытеснить темноту из салона лимузина. Он подумал о том, чтобы велеть водителю поехать на Уолл-Стрит, чтобы увидеть, почувствовать атмосферу в лабиринтах этой улицы.

Но это могло каким-либо образом повлиять на его дальнейшие действия, его эмоции, его объективность. Было ли это нижней точкой? Или просто паузой перед крутым снижением? Вернется ли уверенность на рынок и остановит ли она его свободное падение? Следует ли закрывать свои короткие позиции? Его состояние зависело от ответов на эти вопросы, и он давным-давно понял, что на фондовом рынке значение имеет только то, что люди действительно делают, а не то, что они говорят, что собираются сделать.

Некоторым людям, возможно, хотелось увидеть людской хаос, почувствовать отчаянный финансовый ад, который наступил, когда демон страха восстал и победил бога жадности, который казался таким сильным и непобедимым – но не Ливермору; он хотел, чтобы эти человеческие реакции его не затрагивали. Скоро он сможет увидеть все довольно ясно. Он выслушает тихий тикающий вердикт биржевого телеграфа в своем офисном кабинете, когда рынок откроется для торгов.

Он снова задвинул черные занавески на окнах и вновь принялся в темноте изучать газеты. Не поднимая глаз, он сказал: «Гарри, мы поедем прямо в офис».

Перед тем, как была введена система автоматического переключения светофоров, офицер полиции Нью-Йорка сидел в будке и управлял светофором. Когда приближался лимузин Ливермора, этот офицер обеспечивал ему зеленый свет светофора, чтобы ничто не задержало Ливермора на его пути из Кингз Пойнт до его офиса на Манхэттене.

Раз в неделю Гарри, водитель, еще раз проезжал по маршруту, останавливаясь у каждой светофорной будки. Там он передавал чаевые полицейскому за его внимание к финансисту, обеспечивающее зеленый свет на его пути. Ливермор был человеком, требовавшим точности.

Ливермор вышел из машины по адресу: Пятая Авеню, дом 730, Хекшер Билдинг. Он вошел в частный скоростной лифт, который остановился на восемнадцатом этаже, в пентхаусе. Ливермор требовал немедленного попадания в офис. Он предпочитал ни с кем не разговаривать, если это было возможно.

На двери кабинета Ливермора не было таблички с его именем. Он открывал ее своим ключом и входил в маленькую приемную, где в рабочее время находился Гарри Эдгар Даш. Мимо Даша было сложно пройти: он был двухметровым гигантом весом в 125 кг, и пресса считала его не только не приветливым, но и безобразным.

В этот час, однако, кабинет офиса был пуст. Ливермор всегда приходил первым. Он открывал вторую дверь особым ключом, хранимым в сейфе. Только он и Даш знали комбинацию цифр. Даш даже следил за уборщиками, когда они убирались в офисе Ливермора. Многие считали его офис самым роскошным в Нью-Йорке, с резными арками ручной работы, сделанными на заказ книжными полками, стенами, отделанными прекрасными панелями красного дерева и резного дуба. Ливермор увидел эти панели в библиотеке старого английского особняка. Он заплатил за эти панели, и они были демонтированы и доставлены в Нью-Йорк, где были установлены в его офисе.

Офис состоял из приемной; операционного зала с зеленой доской, занимающей всю стену, а также проходом для членов администрации; зала для совещаний; и, наконец, огромного частного кабинета Ливермора. Доску было видно из всех комнат.

Ливермор обычно нанимал штат из семи человек, шесть членов администрации плюс Даш. Первой обязанностью его работников было нанесение биржевых котировок на зеленую доску, которая занимала офис по всей длине. Даш следил за работой офиса и делал все остальное, о чем его просили. Члены администрации давали подписку о неразглашении и получали хорошую заработную плату. Молчание во время работы рынка было правилом в офисе. Ливермор не хотел отвлекаться, пока рынок открыт. Котировки нужно было записывать немедленно и аккуратно; речь шла о миллионах.

В каждой комнате было несколько биржевых телеграфов. Вьющаяся телеграфная лента была подобна крови, циркулирующей по венам офиса. Это была сама жизнь. Биржевой теле-

граф всегда был под рукой. Биржевые телеграфные аппараты были во всех основных комнатах всех его домов: в Лейк Плэсид, на Лонг Айлэнд и в квартире на Манхэттене, в номере гостиницы «Брейкерз» в Палм-Бич, даже на его 300-футовой яхте.

Ливермор прочитал многочисленные статьи из *«Нью-Йорк Таймс»*, которые он вырезал из предыдущих выпусков газеты. Все газеты обвиняли его в инициировании снижения – вертикального свободного падения, которое, как сейчас казалось, никогда не закончится. Но он верил, что бизнес – в его случае, фондовый рынок – был подобен войне. На войне, если делаешь ошибку – умираешь, а на фондовом рынке, если делаешь ошибку – можешь очень быстро разориться. Можно даже одномоментно умереть для финансового рынка.

Ливермор был серьезным человеком и в тот день он запланировал сделать серьезные дела. Он был, как всегда, безупречно одет, в специально сшитом для него в Лондоне костюме от Савилия Роу. Его рубашки были сшиты по последней моде, из тончайшего египетского хлопка, с монограммой на манжетах. Костюм безупречно сидел на его стройной фигуре, шелковый галстук в тонкую полоску оттенял костюм. Его светлые волосы были зачесаны назад, с пробором слева. Он пользовался пенсне, которое сидело у него на носу. Он носил жилет с золотой цепочкой, которая крепилась к карману. На одном конце цепочки висел тонкий золотой карандаш, на другом – маленький золотой перьевой ножик. Когда он говорил, то часто играл с ручкой или ножиком, вертел в руках то одно, то другое.

Он был самым знаменитым спекулянтом на Уолл-Стрит, трейдером, который мог одновременно продавать короткие и покупать длинные позиции. Он не придавал этому особого значения, так как знал, что акции опускаются так же часто, как и поднимаются – но когда они снижаются, то делают это в два раза быстрее, чем когда повышаются, и именно это происходило в тот день.

В настоящее время у него была линия более чем в миллион акций, стоимостью более 100 миллионов долларов. Она была открыта несколько месяцев назад, медленно, секретно и молча, с использованием более 100 биржевых брокеров, так что никто не мог догадаться, что именно он делает. Он продавал ценные бумаги, не имея их в наличии – он продавал актив, который затем покупал по более низкой цене. Он жил так, как полагалось согласно его репутации – как Великий Спекулянт Уолл-Стрит.

Сегодня он, подобно волку-одиночке, крался по арктической тундре в поисках добычи – и оглядывался по сторонам, опасаясь других хищников, способных его убить. Он знал довольно многих игроков на Уолл-Стрит, которые могли бы сделать это – прервать его финансовую жизнь одним смертельным ударом.

Он взял одну из статей *«Нью-Йорк Таймс»*, которую сохранил с 20 октября и прочитал заголовок: «Котировки акций снижаются в связи с волной продаж». Он предпринял над собой усилие, чтобы не злорадствовать. Не было ни одного человека, который лучше Ливермора знал бы, как быстро может измениться ситуация на фондовом рынке. Он продолжил чтение:

За два часа, в течение которых торги на Нью-йоркской фондовой бирже были ограничены, активные бумаги пережили одно из самых сильных падений цен в истории. Последние котировки выявили чистые потери от 5 до 20 пунктов, совокупное снижение стоимости на вольном рынке оценивается в 1 000 000 000 (один миллиард) долларов и выше.

Общий оборот составил 3 488 100 акций, который стал вторым по величине объемом для субботы со времени основания Фондовой биржи. В течение первого получаса торги шли на уровне более 8 500 000 акций за полный пятичасовой день. Сообщество фондового рынка еще в течение часа и двадцати трех минут после финального гонга не знало о том, как закрылся рынок, так сильно опаздывал перегруженный телеграф.

УДАР ПО ОСНОВНЫМ АКЦИЯМ

Одна из историй, получивших широкое распространение повсеместно, где работали вчера биржевые телеграфы, гласила, что Джесси Л.Ливермор, ранее один из самых больших спекулянтов страны; теперь является главой спекулятивной группы, которая сбивала цены на рынке в течение нескольких недель, и что невероятную слабость, развившуюся в основных дорогих акциях, следует приписать, как минимум частично, к результатам его деятельности.

Артур У. Каттен из Чикаго, признанный лидер спекулянтов, играющих на повышение, вчера наблюдал за телеграфом из своей гостиницы в Атлантик Сити и сказал близким друзьям, что ничто не сможет изменить его мнение о рынке – хорошие акции, в конечном итоге, будут продаваться дороже.

Сообщения о борьбе между Ливермором и Каттеном за превосходство на фондовом рынке, которые широко распространились на Уолл-Стрит в течение последних трех-четырёх дней, были поставлены под сомнение. Предполагается, что у Ливермора очень много коротких позиций по акциям ведущих компаний, а у Каттена необыкновенно много длинных позиций в этой же группе акций. Возвращение Ливермора к положению, некогда им удерживаемому, в качестве ведущего рыночного оператора, играющего на понижение, после нескольких лет работы в тени, явилось одним из наиболее интересных развитий событий на рынке.

Продажа ценных бумаг без покрытия, которая, как было сообщено, решено, была основным фактором сегодняшнего снижения, послужила дальнейшей ликвидации ценных бумаг, и наложение этих факторов выразилось в деморализации рынка по некоторым позициям. Было ясно, что рынок не получал организованной поддержки. Бумагам, которые обычно обладают сильной поддержкой, было позволено колебаться по своему усмотрению.

В ситуации, когда акции росли на протяжении последних нескольких месяцев после каждого снижения, положение было готово для вступления в игру Ливермора. На Уолл-Стрит ходили слухи, что у него короткие позиции по большому ряду акций, таких как «Юнайтед Стэйтс Стил», «Монтгомери Уорд», «Симмонз Ко», «Дженерал Электрик», «Эмерикэн энд Форин Пауэр» и еще полудюжине других голубых фишек рынка. Затем он начал применение своей тактики снижения цен, под воздействием которой рынок сначала дрогнул, а затем рухнул.

Каттен, Фишеры, Дюран и другие члены группы, известной на Уолл-Стрит как «Большая Десятка», были крупными держателями именно этих бумаг. Они стали свидетелями того, как их планы и биржевые объединения разрушались в ходе естественного экономического развития ситуации и в результате хитроумных продаж без покрытия.

Одним из слухов, порожденных и распространившихся в финансовых кругах вчера, был слух о том, что Ливермор обладал поддержкой спекулятивной компании Уолтера Крайслера, который, как говорили, был крайне раздражен тем, что группа Чикаго-Детройта сбивала цены «Крайслер-Моторс» на рынке, способствуя снижению цены акций компании ниже 55 по сравнению с пиком в 135 в том же году.

Известным спекулятивным лидером, кажется, является Ливермор, который завладел огромным состоянием путем искусных продаж без покрытия, и который, по крайней мере, временно, считается совершенно «правым» на рынке. Каттен, который начинал работать на рынке зерна, накопил примерно 100 миллионов долларов или больше на фондовом рынке за последние три года, характеризовавшиеся «бычим» трендом. Каттен является лидером группировки, играющей на повышение, и, по крайней мере, временно, считается на рынке «неправым».

Господин Каттен находился в Нью-Йорке и наблюдал за рынком из офиса главы фондовой биржи. Мнение, высказанное им для своих друзей, состояло в том, что большая часть продаж является истеричной, и что он уверен в том, что следует удерживать высокие цены на хорошие акции. Он не изменил своего изначально высказанного мнения относительно долгосрочной перспективы. Но он также не сделал ни одного заявления о ситуации на рынке для официальной публикации. Естественно, им нечего было сказать о своих позициях на рынке в тот момент, или о том, что они делали в последние несколько дней.

Одна из историй, получивших широкое распространение повсеместно, где работали вчера биржевые телеграфы, гласила, что Джесси Л. Ливермор, ранее один из самых больших спекулянтов страны; теперь является главой спекулятивной группы, которая сбивала цены на рынке в течение нескольких недель, и что невероятную слабость, развившуюся в основных дорогих акциях, следует приписать, как минимум частично, к результатам его деятельности.

Артур У. Каттен из Чикаго, признанный лидер спекулянтов, играющих на повышение, вчера наблюдал за телеграфом из своей гостиницы в Атлантик Сити и сказал близким друзьям, что ничто не сможет изменить его мнение о рынке – хорошие акции, в конечном итоге, будут продаваться дороже.

Сообщения о борьбе между Ливермором и Каттеном за превосходство на фондовом рынке, которые широко распространились на Уолл-Стрит в течение последних трех-четырех дней, были поставлены под сомнение. Предполагается, что у Ливермора очень много коротких позиций по акциям ведущих компаний, а у Каттена необыкновенно много длинных позиций в этой же группе акций. Возвращение Ливермора к положению, некогда им удерживаемому, в качестве ведущего рыночного оператора, играющего на понижение, после нескольких лет работы в тени, явилось одним из наиболее интересных развитий событий на рынке.

Продажа ценных бумаг без покрытия, которая, как было сообщено, решено, была основным фактором сегодняшнего снижения, послужила дальнейшей ликвидации ценных бумаг, и наложение этих факторов выразилось в деморализации рынка по некоторым позициям. Было ясно, что рынок не получал организованной поддержки. Бумагам, которые обычно обладают сильной поддержкой, было позволено колебаться по своему усмотрению.

В ситуации, когда акции росли на протяжении последних нескольких месяцев после каждого снижения, положение было готово для вступления в игру Ливермора. На Уолл-Стрит ходили слухи, что у него короткие позиции по большому ряду акций, таких как «Юнайтед Стэйтс Стил», «Монтгомери Уорд», «Симмонз Ко», «Дженерал Электрик», «Эмерикэн энд Форин Пауэр» и еще полудюжине других голубых фишек рынка. Затем он начал применение

своей тактики снижения цен, под воздействием которой рынок сначала дрогнул, а затем рухнул.

Каттен, Фишеры, Дюран и другие члены группы, известной на Уолл-Стрит как «Большая Десятка», были крупными держателями именно этих бумаг. Они стали свидетелями того, как их планы и биржевые объединения разрушались в ходе естественного экономического развития ситуации и в результате хитроумных продаж без покрытия.

Одним из слухов, порожденных и распространившихся в финансовых кругах вчера, был слух о том, что Ливермор обладал поддержкой спекулятивной компании Уолтера Крайслера, который, как говорили, был крайне раздражен тем, что группа Чикаго-Детройта сбивала цены «Крайслер-Моторс» на рынке, способствуя снижению цены акций компании ниже 55 по сравнению с пиком в 135 в том же году.

Известным спекулятивным лидером, кажется, является Ливермор, который завладел огромным состоянием путем искусных продаж без покрытия, и который, по крайней мере, временно, считается совершенно «правым» на рынке. Каттен, который начинал работать на рынке зерна, накопил примерно 100 миллионов долларов или больше на фондовом рынке за последние три года, характеризовавшиеся «бычьим» трендом. Каттен является лидером группировки, играющей на повышение, и, по крайней мере, временно, считается на рынке «неправым».

Господин Каттен находился в Нью-Йорке и наблюдал за рынком из офиса главы фондовой биржи. Мнение, высказанное им для своих друзей, состояло в том, что большая часть продаж является истеричной, и что он уверен в том, что следует удерживать высокие цены на хорошие акции. Он не изменил своего изначально высказанного мнения относительно долгосрочной перспективы. Но он также не сделал ни одного заявления о ситуации на рынке для официальной публикации. Естественно, им нечего было сказать о своих позициях на рынке в тот момент, или о том, что они делали в последние несколько дней.

В статье «*Таймс*» содержалось больше информации:

Если информация с Уолл-Стрит правдива, то Джесси Л. Ливермор, который в течение нескольких лет находился в тени в том, что касается операций на рынке, осуществил сносшибательное возвращение. Возвращение господина Ливермора в качестве одного из первостепенных игроков на рынке является еще одним чудом Уолл-Стрит. Мальчиком он записывал на доске рыночные котировки в брокерских домах Бостона, где он развил в себе умение следить за цифрами, и за которое, несмотря на ограниченный капитал, его выгнали из всех брокерских контор¹ в Бостоне и Нью-Йорке. После этого к нему прилипло прозвище, которым пользуются до сих пор «Мальчик-Игрок».

После переезда в Нью-Йорк и умелой игры на рынке, после длинного ряда удач и поражений, он попал в длительную полосу везения и нажил многомиллионное состояние. Говорят, что на теперешнем «бычьем» рынке он решил, что акции котируются слишком высоко, и ошибся. Продолжающийся рост таких акций как акции «Дженерал Моторс», «Стил», «Дженерал

¹ Брокерская контора (англ. Bucket shop) – фирма, в отличие от брокерского дома (англ. broker house, broker firm), проводящая незаконные операции с акциями, облигациями и другими ценными бумагами. Подробнее схема работы брокерской конторы описана в Главе 2.

«Электрик» и других компаний, по слухам, отнял у него большую часть его состояния. У него были короткие позиции по всем этим акциям, и ему приходилось закрывать их снова и снова. В финансовых кругах говорят, что ему пришлось прибегнуть к своим обширным безотзывным рентам, из которых несколько положены ему самому и его семье, и которые были приобретены во время предшествовавшего благоденствия.

Артура Каттена, соперника Ливермора, можно принять за деревенского лавочника. Он не придает никакого значения условностям, наружности и традициям. Застенчивый, тихий и непритязательный, он, бывало, сживал в углу комнаты для курения пулмановского вагона и, не раскрывая, кто он, слушал, как случайные попутчики обсуждали его искусство игры на фондовом рынке. Вне бизнеса он был просто порядочным фермером из поместья близ Чикаго.

Ливермор, напротив, является изысканным, хорошо одетым горожанином. Он строен и светловолос, с достоинством носит свои темные вещи, ездит в роллс-ройсах, держит свиту слуг, полдюжины домов и, возможно, самый роскошный офис в Нью-Йорке, расположенный на верху Хекшер Билдинг.

По темпераменту эти двое совершенно непохожи друг на друга. Каттен – человек спокойный, говорит медленно и совсем не импульсивный. Ливермор быстрый, нервный, легковозбудимый, суеверный, готовый поспорить на последний медяк, если уверен в своей правоте. Ливермор спотыкался не раз, а десяток раз. Каттен, по крайней мере, в последние годы, олицетворял собой «бычий» рынок.

Состояние рынка в следующие месяцы скорее всего покажет что-то невероятное, в связи с прямым противостоянием большого количества различных экономических факторов, каждый из которых достаточно силен. Сейчас довольно очевидно, что когда акции растут, господин Каттен будет им помогать. Также справедливо и то, что когда они снижаются, господин Ливермор будет снижать цены на рынке. Однако между ними нет личного противостояния.

«Ха, всегда «ничего личного»!» – пробормотал Ливермор, закончив читать статью и положив ее на стол. Они с Каттеном в течение долгих лет частенько оказывались по разные стороны баррикад, с тех пор, когда они были молодыми людьми, покупающими и продающими товары в зерновом отделе Чикагской биржи.

Телефон зазвонил, и Ливермор подал знак своему помощнику Дашу, который только что приехал, что он ответит на звонок.

«Здравствуйте».

«Это Джесси Ливермор?»

«Слушаю вас».

«Ты сволочь, Ливермор. Это твоих рук дело и ты заплатишь за это. Из-за тебя я разорился. Нет, я даже больше, чем разорился. Я должен своему брокеру тысячи долларов маржевых, но у меня есть оружие. Я еду к тебе, чтобы вышибить тебе мозги. В следующий раз, когда ты откроешь дверь, там буду я, и следующим, что ты увидишь, будут ворота ада, потому что там тебе и место...»

Ливермор бросил трубку. Это все из-за этих статей, напечатанных во всех газетах по всем Соединенным Штатам, обвиняющих его в крахе. Но он не виноват. Он не был таким могущественным; никто не был настолько могущественным, даже люди из великого «Дома Моргана». Но это не мешает людям считать, что именно он запустил механизм краха и что

он управлял им, постоянно продавая, продавая, продавая. Он позвонил в «Таймс» и дал им интервью, объяснив, что он не виноват, но это не помогло. Что бы там ни было, казалось, что люди хотят обвинить его, возможно, потому, чтобы у них было, кому позвонить и кому угрожать. Он перечитал заголовок интервью, которое он дал, и которое появилось в выпуске «Таймс» за 22 октября 1929 года: «Ливермор не спекулянт». Он продолжил читать:

Джесси Л. Ливермор, у которого, как считалось на Уолл-Стрит, на настоящий момент было очень много коротких позиций, и который считался лидером группы, играющей на понижение, вчера опроверг свою связь с данной группой.

Заявление господина Ливермора, составленное в его офисе на Пятой Авеню, 730, гласило:

«В связи с появлением многочисленных сообщений, усердно распространяемых в последнее время через газеты и различные брокерские конторы, о том, что была сформирована большая группа спекулянтов, играющих на понижение, во главе со мной, которая финансируется различными известными биржевиками; мне хотелось бы заявить, что в этих слухах нет ни доли истины, в том, что касается меня, и мне не известно о подобных формированиях, созданных кем-либо другим».

«То немногое, чем я занимаюсь на фондовом рынке, я делаю индивидуально, и буду продолжать действовать в том же духе».

«Очень глупо думать, что какое-либо лицо или группа лиц могут искусственно вызвать снижение на фондовом рынке в такой большой и процветающей стране, как Соединенные Штаты. То, что произошло в течение последних нескольких недель, является неизбежным результатом долгого периода непрерывных циничных манипуляций со многими ценными бумагами, что привело к тому, что их цены выросли в несколько раз по сравнению с их реальной стоимостью, основанной на реальных заработанных доходностях».

«Люди, ответственные за возникновение этих фиктивных цен, это те же самые люди, которые прямо ответственны за то, что происходит на фондовом рынке сегодня. К несчастью для большинства людей, когда возникает подобная ситуация, то реальным законным инвестициям приходится страдать вместе с ценными бумагами худшего качества».

Если кто-то не поленился и проанализирует продажные цены различных акций, например, «Юнайтед Стэйтс Стил», которые продаются по ценам в восемь-десять раз превышающим их текущую прибыль, то обнаружит, что и многие другие ценные бумаги продаются и продавались по невероятно высоким ценам.

Совет Управляющих Федерального Резерва своими предупреждениями и высокие банковские власти выражением обеспокоенности не могли препятствовать повышению рынка, поэтому здравомыслящему человеку должно быть ясно, что нелепо предполагать, что один человек может оказать какое-либо значительное воздействие на курсы ценных бумаг».

«Идиоты», – пробурчал Ливермор, закончив читать интервью. – «Они думают, что я смог поставить на колени весь рынок. Невозможно!»

Возможно, он и был частью пускового механизма, но это была ситуация, наполненная смыслом. Неистовые спекуляции всегда ставили рынок на колени. Он занимался заключением

сделок уже 35 лет, с 14-летнего возраста. Он заработал и потерял много миллионов долларов. В 1929 году он был на пике своей мощи, но знал, что это лишь еще один момент эйфории.

Ливермор внимательно взвешивал ситуацию. Звонки с угрозами выводили его из равновесия. Он прекрасно знал, какие глубокие психологические раны может наносить потеря финансового состояния. За свою карьеру он сам много раз через это проходил. Он сделает еще одно заявление, и немедленно – его семья могла быть в опасности. Им уже угрожали раньше.

Он спокойно ждал у биржевого телеграфа, стоявшего на его громоздком столе. Весь стол красного дерева был пуст. На нем стоял лишь бронзовый телеграфный аппарат, лежала бумага для записей, карандаш и стояла пара полок для бумаг из красного дерева в тон столу.

К этому времени в офисе были все сотрудники. Шесть человек, записывающих биржевые котировки, были одеты в пиджаки из шерсти-альпаки, чтобы не испачкаться о нанесенные мелом символы. Каждый работающий на доске ассистент носил наушники и имел микрофон. Они были напрямую связаны с Нью-йоркской фондовой биржей. За каждым был закреплен свой участок ценных бумаг или товаров, за который человек отвечал. Телеграф начал стучать, выплевывая бумажную ленту, похожую на белую змеиную кожу с пробитыми шкалами – символами большинства компаний Соединенных Штатов. Эти биржевые символы представляли большую часть благосостояния страны.

Для Ливермора слежение за значениями было подобно чтению газеты. Он знал все символы наизусть и обладал исключительным математическим складом ума, что позволяло ему запоминать все котировки, подобно тому, как игрок в бридж помнит все карты, которые находятся в игре. Чтобы проверить себя, он наблюдал за своими сотрудниками у доски, по мере того, как они двигались под руководством Даша, заполняя доску по всей длине результатами биржевых торгов. Сегодня он уделил особое внимание своему портфелю. Ливермор мог посмотреть на доску и мгновенно пересчитать в долларовом эквиваленте стоимость всего своего портфеля. В офисе стояла тишина, нарушаемая лишь звуками стучащих телеграфных аппаратов и скрипением мела по доске. Когда рынок был открыт, в помещении для торгов в офисе Ливермора всегда стояла тишина. Праздная болтовня была излишней, когда работал рынок, и все сотрудники об этом знали.

Сегодня общие прибыли Ливермора плюс стоимость его портфеля приближались к 100 миллионам долларов. Это не поменяло выражения его лица. Основной офисный телефон снова зазвонил. Он кивнул Дашу, чтобы тот не брал трубку. Он не хотел, чтобы еще один звонок с угрозами отвлек его сейчас, когда рынок открыт. Звонки мешали ему сконцентрироваться; ему нечего было сказать кому бы то ни было, и он никого не хотел слышать. Когда рынок был открыт, он уподоблялся крадущемуся волку. Он мог фокусироваться только на том, что делал. Каждое однопроцентное движение рынка вверх или вниз означало полученный или потерянный миллион долларов.

Малейшая потеря внимания могла стоить ему нескольких миллионов долларов. Именно так он любил участвовать в торгах – все фибры его души были напряжены. Существовала только телеграфная лента, и ничего кроме нее. Лента могла обо всем ему рассказать, если он будет достаточно сообразительным, чтобы прочесть ее, она могла помочь найти скрытые разгадки и воплотить их в жизнь. Он боролся с двумя эмоциями фондового рынка: страхом и жадностью. На кону была огромная ставка.

В тот вечер он поехал домой в Кингз Пойнт и не нашел там своей жены Дороти и двух своих сыновей, Пола и Джесси-младшего. Картины были сняты со стен, некоторые персидские ковры исчезли, также исчезло серебро. Он поднялся к сейфу, стоявшему на втором этаже, где Дороти хранила свои драгоценности – фантастическую коллекцию, состоявшую в основном из работ Гарри Уинстона и «Ван Клиф энд Арпельс. Все пропало.

Он пошел на кухню и обнаружил, что четверо поваров и двое дворецких работают, готовя семейный ужин.

«Где госпожа Ливермор и дети?» – спросил он.

«Они переехали в квартиру водителей, сэр», – ответил главный дворецкий. – «Мы все слышали о великом крахе и очень сожалеем, господин Ливермор».

Ливермор простоял пару минут, уставившись на них без всякого выражения на лице, и пошел в квартиру над гаражами. Там жили два водителя, один для Дороти, или «Мышки», как он ее называл, и один для него самого, или «Джея Эл», как он любил, чтобы его называли. Гаражи примыкали к огромному каменному особняку. Он вошел в большую комнату квартиры, перешагивая через свернутые ковры и бесценные шедевры и обходя антикварную мебель. Дороти сидела на кушетке с двумя мальчиками. Они были полностью одеты в свою лучшую одежду.

«Мышка, что происходит? Что ты делаешь?»

«Мы все знаем. Мне очень жаль, Джей Эл», – ответила она.

«О чем ты?»

«Мы слышали, что все разорились из-за краха. Об этом целый день говорили по радио. Люди выбрасываются из окон, стреляются в своих офисах, исчезают. Звонили подружки. Мне очень жаль, Джей Эл».

Он взглянул на нее. Прошло несколько долгих минут. Она была очень красива, сидя вот так со своими красивыми сыновьями, по одному с каждой стороны и со своими драгоценностями в кожаной коробке рядом.

Она была его противоположностью, экспансивной, жизнелюбивой, забавной, инстинктивной. Настоящее общественное животное, лучше всего чувствующее себя среди людской толпы. Она говорила то, что было у нее на уме. Она была великим комиком от природы. И лучше всего было то, что она никогда не шутила намеренно. На самом деле она часто смущалась, не понимая, почему люди смеются.

Он взглянул на коробку с драгоценностями. Он прибежал к ней несколько раз, в свои худшие моменты, во время своих самых серьезных поражений на рынке. Он не раз относил эту коробку к Гарри Уинстону, когда разорялся, и когда ему нужна была финансовая поддержка. Драгоценности стоимостью около 4 миллионов долларов неизменно оценивались Гарри в миллион наличными, и составляли основу для того, чтобы начать все заново. Когда он возвращался, чтобы выкупить драгоценности, после того, как вставал на ноги, он всегда заботился о том, чтобы подбросить Гарри пачку-другую денег.

«Мышка, сейчас вы с мальчиками вернетесь домой, и мы поужинаем. Прихвати с собой коробку с драгоценностями».

«О, Джей Эл, они снова тебе нужны?»

«Нет. Сегодня мой самый удачный день на рынке. Я закрыл половину своих сделок. У нас все будет хорошо. Мне не понадобятся драгоценности. А теперь пошли домой».

Он повернулся и вышел из комнаты с улыбкой на лице. Вот это день! У нее всегда получалось удивить его, заставить его улыбнуться. У них бывали проблемы во взаимоотношениях, в основном по его вине – из-за других женщин. Тем не менее, он надеялся, что у них все получится. Он знал, что если они разведутся, он будет очень по ней скучать. Когда он думал об их любви, на глаза наворачивались слезы. Тогда он встряхивал головой, чтобы избавиться от этих мыслей. Он будет наслаждаться ее обществом и обществом сыновей, пока они рядом. Кто знает, что готовит для них будущее?

Звонки с угрозами не прекращались; с течением времени поступали новые. Необходимо было поставить барьер этим угрозам. Он снова позвонил в «*Нью-Йорк Таймс*», в газету, которая всегда была готова напечатать слова скрытного Джесси Ливермора. Заголовок выпуска от 13 ноября гласил: «Ливермор теперь играет на повышение: он утверждает, что котировки ценных бумаг слишком низки, вопреки тому, что некоторые из них являются надежными». Он продолжил чтение:

«Джесси Ливермор, который в прошлом в течение многих недель считался игроком на понижение, и который, как считалось, продал без покрытия больше бумаг на этом резко падающем рынке, чем кто-либо другой, вчера вечером заявил *«Нью-Йорк Таймс»* о своей уверенности в том, что акции ведущих компаний упали слишком низко. Хотя господин Ливермор не сделал заявления относительно своих собственных позиций, его заявление оставило впечатление, что он закрыл свои короткие позиции и сейчас вновь находится на стороне покупки.

«Акции ведущих компаний с хорошей историей роста дивидендов и определенным будущим сейчас представляют собой выгодную покупку», – заявил господин Ливермор. – «Многие из них упали слишком низко. Люди по всей стране поддались панике и продали свои надежные бумаги безотносительно их стоимости. По моему мнению, данная ситуация не должна получить дальнейшего развития. Нет никаких причин, по которым первоклассные ценные бумаги следует безжалостно выбрасывать на рынок так, как это делается во время торгов в последние дни».

«За последние несколько дней мы видели, как большие партии этих ценных бумаг выбрасываются продавцами на вольный рынок, хотя у многих из этих продавцов нет для этого никаких других причин, кроме того, что их охватил страх».

Но звонки не умолкали: «Ливермор, ты грязный лжец. Я знаю, какой ты хитрый. Ты говоришь, что играешь на повышение, а на самом деле сбиваешь цены еще ниже. Я до тебя доберусь. Не спать тебе больше ни ночи спокойно, жалкий ублюдок».

И снова: «Я до тебя доберусь. Мне терять нечего. Из-за тебя и таких как ты я потерял на рынке все. Ты думаешь, что можешь раздавить маленького человека, разрушить мою семью, разбить мне жизнь своими незаконными действиями. Ты мертвец, ты просто этого не знаешь. Моя семья достаточно настрадалась, теперь очередь твоей!»

И снова: «Сегодня я потерял свой дом, господин Ливермор, что вы по этому поводу думаете? Мой дом, за который я платил 23 года кряду. Сегодня они меня выселили. Я теперь бездомный, как лентяй, с женой и четырьмя детьми. И это сделал ты, и ты за это заплатишь».

Непрекращающиеся угрозы лились из телефона, из писем, даже из заказных писем.

К 21 декабря 1929 года Джесси Ливермор был сыт этим по горло. В качестве меры предосторожности, он нанял своего старого приятеля Фрэнка Гормана, бывшего полицейского округа Нассау. Горман и Ливермор были знакомы с 1909 года. Ливермор несколько раз пользовался его услугами в прошлом, когда дела шли плохо. В последний раз он нанимал Гормана для защиты от «Бостонского Билли» Монагана, печально известного вора, который ограбил особняк Ливермора, был пойман и поклялся отомстить.

Горман незамедлительно переехал в особняк в Кингз Пойнт. Он каждый день провожал мальчиков в школу и стал тенью Дороти.

Ливермор продолжал свою рутинную жизнь, каждый день ходил на работу, следил за значениями, делал новые ходы в игре. Однажды Ливермор подошел к окну и раздвинул шторы. Из окна открывался вид на шумный метрополис, каким был Нью-Йорк в начале 1930-х годов. По мере того как телеграфная лента, оставленная без внимания, скользила у него между пальцами, унося с собой бесчисленные котировки – все отрицательные, как списки павших на поле боя – он смотрел из окна.

Он удивился, как его жизнь дошла до такого. И почему он не стал счастливее. В конце концов, это были дни его величайших финансовых успехов.

Глава 2

Предыстория

*Детство рассказывает о человеке все, также как утро
рассказывает все о дне.*
Джон Милтон

Джесси Ливермор родился 26 июля 1877 года в Шрусберри, Массачусетс. Его родителями были Лаура и Хирам Ливермор. Отец Ливермора был бедным фермером, который пытался заработать на жизнь, обрабатывая безжалостную почву Новой Англии. Хирам Ливермор потерял свою первую ферму, когда Джесси был еще совсем маленьким, и семья переехала в Пэкстон, Массачусетс, чтобы поселиться с бабушкой Джесси. В конце концов, Хирам накопил достаточно денег, чтобы купить ферму в Саут Эктон.

Ливермор быстро узнал, каково это – обрабатывать скалистую почву Новой Англии. Первой его работой был сбор больших камней, поднятых из земли плугом. Получить средства для существования из маленького клочка земли в Массачусетсе было трудной задачей, в Америке на рубеже веков это давало мало прибыли.

Мальчиком Ливермор был стройным, хрупким и часто болел. Это дало ему возможность много читать, особенно те немногие газеты и журналы, которые ему удавалось достать. Он жадно поглощал любые попавшие ему в руки книги и уходил в мир собственного воображения, двери которого они перед ним открывали.

Он был одаренным богатым воображением и умным, мог пользоваться дедукцией и делать логичные выводы. Ему не потребовалось много времени на то, чтобы сделать вывод, что детские мечты об успехе и приключениях ни к чему не приведут в условиях тяжелой фермерской жизни в Новой Англии.

Отец Ливермора был сдержанным, замкнутым человеком, который нечасто показывал свою любовь. Он управлял семьей бескомпромиссно и серьезно. Мать Ливермора была полной его противоположностью – любящей и мягкой, она уделяла много времени своему одаренному сыну.

В школе Ливермор продемонстрировал особые успехи в математике. Он мог решать уравнения в уме и просто выдавать готовые ответы, или найти альтернативный способ решения задачи, заданной классу. Однажды он предложил учителю наперегонки решить сложную математическую задачу. Он выиграл. Его быстро продвигали по математике и преподавали продвинутый курс этой дисциплины, чтобы удовлетворить его страсть к новому знанию.

Математика была его другом, она легко ему давалась. Он за год прошел трехгодичный школьный курс арифметики. Он мог держать в голове множество чисел, формируя модели. Числа всегда подчинялись его похожему на компьютер мозгу.

Когда Ливермору исполнилось 13, отец пытался убедить его, что образование не важно, бесполезно в простой фермерской жизни. Когда Ливермору было 14 лет, отец забрал его из школы и вручил ему рабочую одежду, сказав, что теперь он должен весь день работать на ферме и приумножать благосостояние семьи.

Но Ливермор был хитрее. Он сделал вид, что подчиняется желанию отца, но на самом деле вместе с матерью составил план побега. Через несколько недель – с 5 долларами, положенными ему в карман матерью, – он украдкой сбежал с фермы и сел в проходивший мимо фургон, направлявшийся в Бостон. Он знал, что то, что он делает, правильно. Ему нужно было отправиться в люди и заработать свое состояние. Хотя у него не было специального плана, он знал, что движется в правильном направлении.

Ему все еще было 14, когда он добрался до Бостона и вместе с тем, до мира взрослых, но модель его жизни уже была запрограммирована, выжжена в его голове. Он понимал важность усердной работы. Он обладал молчаливой, спокойной силой и целеустремленностью, характерной для многих выходцев из Новой Англии – людей, привыкших иметь дело с твердой, неподдающейся почвой, безжалостной погодой и финансовыми вихрями.

Его представления о мужчинах основывались на образе его отца: молчаливом, трудолюбивом, упрямом, сдержанном, неэмоциональном, целеустремленном, необщительном человеке и ужасном семейном диктаторе. Его представления о женщинах базировались на образах его матери и немногих девочек, с которыми он познакомился в школе: мягких, воспитанных, умных, эмоциональных и любящих. Он также знал, что нравится женщинам, поскольку они всегда хорошо к нему относились.

Даже в 14 лет он понимал, что успех, благосостояние и слава могут прийти только к тому, кто работает головой, а не руками. Он также осознал, что только дела, а не слова имеют значение, этому он научился у своего отца.

Но именно мать дала ему скудные финансы, необходимые для того, чтобы добраться до Бостона и новой жизни. Как только сможет, он вернет ей долг с огромными процентами. Уплата долгов уже сидела в нем, и именно этим он занимался всю свою жизнь, независимо от того, сколько на это уходило времени.

Когда Ливермор приехал в Бостон в «зрелом» четырнадцатилетнем возрасте, его жизнь только начиналась, но он никогда не забудет уроков, которые он уже выучил в юности. Теперь, однако, ему требовалось сконцентрироваться на своем будущем. Он заключил мать и отца в определенный отдел своего мозга, а затем плотно закрыл этот отдел. Он не переносил, когда что-то отвлекало его на пути к успеху. Эта способность блокировать и отделять свои эмоции, пришла к нему естественным образом. Он мог действовать вне зависимости от своего эмоционального состояния. Он боролся всю свою жизнь, чтобы его деловая и личная жизнь не пересекались. И у него это почти получилось.

В 14 лет он был светловолосым, голубоглазым, стройным и умным, со сверкающей идеально белозубой улыбкой. Его уверенность была непоколебимой.

Он сошел с фургона в Бостоне и очутился возле офиса Пейна Веббера, вбирая его в себя, прежде чем войти. Он наблюдал, как приходили и уходили клиенты. Биржевые телеграфные аппараты стучали и выплевывали нескончаемые белые ленты бумаги с надписями. Записывающие значения мальчишки-ассистенты двигались туда-суда по полотну зеленой доски шириной во всю комнату, как танцоры по сцене. Они записывали биржевые цены настолько быстро, насколько оглашающий котировки человек, зачастую клиент, сидящий в галерее и наблюдающий за значениями, мог выкрикивать их.

Клиенты сидели на стульях у стены, безумными глазами глядя на доску, иногда они вставали, чтобы пойти к своим брокерам, так как если бы они делали ставки на конских бегах. Ливермор впитал в себя все эти действия: стук телеграфных аппаратов, скрипение мела по доске, громко и возбужденно разговаривающих людей. Все движения и действия волновали его. Он мысленно пальцами дотронулся до стеклянного шара телеграфного аппарата; на ощупь он был одновременно теплым и холодным. Он был похож на хрустальный шар, используемый гадалками, пожалуй, лишь с тем исключением, что если бы кто-то смог прочесть в нем судьбу, то стал бы богат как Крез, самый богатый человек в мире. Он наблюдал. Люди богатели каждую секунду, если верить тому, что говорила безличная телеграфная лента.

Ему понравился запах в офисе, пьянящий, с ароматами дерева, мела, бумаги и чернил, людского возбуждения и энергии, кофе и пищи, поглощаемой прямо за рабочим столом. С той самой минуты, когда он вошел в бостонский офис Пейна Веббера (Paine Webber), ему понравилось это возбуждение, принизывающее все как электрический ток.

Он уже был далеко от фермы.

На нем был костюм, который был немного ему велик. Мать купила его на вырост, чтобы он не стал ему мал, когда он возмужает. Он нашел менеджера, набрал в легкие воздуха и дотронулся до его плеча. Менеджер был мужчиной под пятьдесят. Он взглянул на Ливермора и увидел фермерского сына, деревенщину.

«Чего тебе надо, парень?» – спросил он, оглядывая его снизу вверх.

«Работу».

«А как у тебя с числами?»

«Хорошо».

«Видишь вон тех ребят у доски, записывающих числа?»

«Да».

«Ну что ж, нам не хватает одного такого. Только без показухи». Он осмотрел Ливермора. «Ты не показушник? Не подведешь меня?»

«Нет, сэр. Я вам докажу».

«Хорошо». Он улыбнулся. «Я дам тебе шанс, парень. Я сам так начинал, записывая значения на доске».

«Да, сэр», – ответил Ливермор.

«А посмотри на меня сейчас, 25 лет спустя, я здесь хозяин. Никогда не забывай, что это Америка, сынок, где каждый может делать то, на что он нацелился. Ну ладно, не могу я тут с тобой болтать целый день. Мне нужно зарабатывать деньги. Так ты хочешь ко мне на работу?»

«Да, сэр».

«Хорошо. Снимай-ка пиджак старшего братца, парень, и вставай на подмости».

«У меня нет старшего брата».

«Мне все равно, есть или нет. Я просто тебя поддразниваю, потому что пиджак тебе велик. Иди-ка вон туда. Над тобой что, никогда не подшучивали?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.